

Дмитрий Филиппенко

Дмитрий Александрович Филиппенко – родился 7 декабря 1983 года в Ленинске-Кузнецком Кемеровской области. Окончил Сибирский государственный индустриальный университет. Работает горным мастером на шахте. Публиковался в журналах: «Огни Кузбасса», «Наши современники» (Москва), «Юность» (Москва), «Дальний Восток» (Хабаровск), «Родная Ладога» (Санкт-Петербург), «Берега» (Калининград), «Плавучий мост», «Нева» (Санкт-Петербург), «Алтай» (Барнаул), «Енисей» (Красноярск), «Бельские просторы» (Уфа), «Сура» (Пенза), в «Литературной газете» и других изданиях. Главный редактор литературных альманахов «Образ» и «Кольчугинская осень». Организатор Всероссийского литературного фестиваля им. Алексея Бельмасова. Автор шести книг стихотворений. Лауреат межрегиональной премии им. В. А. Макарова (Омск), ежегодной премии «Слово» (Москва). Член Союза писателей России. Живёт в Ленинске-Кузнецком.

В ПАРКЕ

Поэзия плыла во все квартиры,
И в парке расплескалась глухомань,
Гуляли пятистопные Шекспиров
И ямбами рубили графомань.

Плелись и растворялись силуэты,
Верлибрами стуча по мостовой.
И непонятно, кто из них поэты
Под масками и кто из них живой.

И так всю ночь без права передышки
Поэзия качается – идёт...
Под утро выйдет престарелый Мышкин
И разберётся, кто здесь идиот.

* * *

Идти по снегу – значит, верить в снег,
Тащить рюкзак с ненужными вещами,
И убегать оттуда, где прощали,
И всем назло топтаться по весне.

Идти по свету, наступая в свет,
Не утонуть, слегка поджарить кеды,
И в рюкзаке ракетки и ракеты,
По-прежнему вещей хороших нет.

Идти по краю – значит, верить в край,
Не строить из себя большого труса,
И выбросить из рюкзака весь мусор,
Свободным и пустым приплёпать в рай.

* * *

Улица Тихая – тихая улица,
Где облепиха цветёт.
Дом ювелира гниёт и сутулится,
В доме никто не живёт.

Жители спали, соседи не видели,
Как убивали семью.
Шторы задёрнуты, холод в обители.
На подсудимых скамью

Прошлой весной никого не отправили,
Всем наплевать на беду.
Есть три могилы – отсутствует памятник,
Но облепиха в цвету.

В МАРШРУТКЕ

В маршрутке едут божьи дудки,
Держа в заложниках час пик.
Ползут таксисты на попутках
На вызов к дамам средних пик.

На остановках незабудки
Цветут и ждут двойной экспресс,
Срываются они в маршрутки
И лепестками на проезд

Швыряют и впадают в сутки.
И я меж цветиков усну.
В маршрутке едут божьи дудки,
Глотая пыль и тишину.

В старом небе новый пепел
 Падает на школьный двор.
 Снеговик солдата лепит,
 Устремляя к солнцу взор.

Он успеет, он поставит
 Памятник своей зиме.
 Русский воин не растает,
 Не погибнет на земле...

...Школьник спит, письмо в конверте,
 Строчки бабушке своей:
 Русский снеговик бессмертен,
 Вместе с Родиной моей!

МУСОР

Когда сжигаю мусор, на снегу
 Нет признаков весны. Трещат пустоты,
 Огонь опять не попадает в ноты
 И подбирает щепки на бегу.

Клубится дым, похож на кенгуру,
 Проглатывают семечки пространства,
 И, нарушая ноты постоянства,
 Он разрезает в темноте дыру.

Сгорает хлам. Дыхание огня
 Сбивается, срывается на шёпот.
 И начал таять снег, и хорошо так
 На улице и в жизни у меня.

АКТЁР

Профукал все серебряные роли
 Наивный и застенчивый актёр.
 Жена над ним смеётся, в общем, троллит,
 Призналась. Есть любовник. Он шахтёр.

Актёр лицо преобразует в тяпку,
 При этом зубы просят кирпича.
 Жена не хочет жить с фуфлом и тряпкой.
 Нужна ей только в паспорте печать.

Она ушла, он перерезал вены.
 Душевный и решительный актёр.
 Фатальные приходят перемены,
 Когда любовник у жены шахтёр.

Я с зеркалом ночами говорю,
 Не чёрный человек я и не шизик.
 Мне наплевать на ржавую зарю,
 Пускай сгорит, сгниёт, уйдёт из жизни.

Мне важно смысл понять и суть свою,
 Трансцендентальность пиковой особы.
 А может, это я внутри горю
 И кочевряжуются во мне микробы.

Горизонтальный памятник – кровать –
 Пристанище для мёртвого поэта.
 Я зеркало не буду разбивать.
 Протру его и застелю газетой.

АНАТОЛИЧ

– Здорово, Анатолич, как дела?
 На фестиваль Бельмасовский приедешь?
 – Конечно, Дима, вырвусь из села,
 И Лёшку вспомним, на турбазе встретишь?

– Конечно, встречу. И налью сто грамм,
 Хоккей посмотрим и порвём канадцев.
 Стихи прочтём мы и напьёмся в хлам,
 И пусть все верлибристы нас боятся...

Студёный август выгорел дотла.
 И деревенский гений не проснётся.
 – Ну, здравствуй, Анатолич! Как дела? –
 В Старобочатах эхом отзовётся.

ПОКОЙНИК

Капли ржавые из рукомоиника
 Выползали в больничную тьму.
 Вывозили из лифта покойника,
 Но глаза не закрыли ему.

И смотрел он в тайгу потолочную,
 А над телом жужжала пчела.
 На рассвете с душою молочной
 Улетела сквозь улей стекла.

И остался один в коридоре я,
 Выпадали осадки из глаз.
 Превратился в чесночное горе я.
 Кто покойник и здесь и сейчас?

Где-то меж Самарой и Тольятти
 Мы считали звёзды до утра.
 Куртку белую на чёрном платье
 Обнимал. И капельки костра
 Согревали. Дождь был бесполезен,
 Убегал, по берегу скользя.
 Целовал фиалки щёк и грезил.
 Целоваться в губы нам нельзя.
 Волны, как созревшие ранетки,
 Падали на жигулёвский лён.
 Мы стихи писали на салфетке.
 И шуршала Волга или клён.

* * *

Ещё чуть-чуть – придёт толпа
 И в Катар не поедут геи.
 И азиатская стопа
 Столкнёт Европу. В апогее
 Россия будет и Китай.
 Не будет орков из америк.
 И старый дед шалтай-болтай
 Не будет врать как сивый мерин.
 И заднеприводный лакей
 Нормальным людям даст дорогу.
 Гей не играет в хоккей,
 И слава богу.

1925

Стелются туманы в голове.
 Серый пепел лёг на тротуар.
 По проспекту чёрный человек
 Шёл опохмелиться в старый бар.

А в душе его гудит война,
 А в крови брезентовый мороз.
 С каждой рюмкой ёкает весна,
 Расцветает медуница слёз.

И звенят колючие стихи,
 На коленях пьяная форель
 На крючке. Вчерашние духи
 Соблазняют. И в глазах апрель.

Нежные туманы в голове.
 Серый пепел лёг на гололёд.
 Возвращался чёрный человек.
 Завершался двадцать пятый год.

Зима в селе мороз вязала.
 Мужик чем мог кормил семью.
 У дров лиса пилу лизала
 И поглощала кровь свою.

А рыжая жена пилила,
 Что муж лентяй и лоботряс.
 Лиса от голода скулила,
 Снежинки падали из глаз.

Мужик не выдержал аврала,
 Разбил стакан, ушёл в мороз.
 Лиса у стайки умирала,
 Но сытая до лисьих слёз.

* * *

Размешивая слёзы на холсте,
 Малюю я грехи свои, пороки.
 Не жду уже друзей и новостей.
 Смерть преподносит частные уроки.

В моих глазах погашен дальний свет,
 Не различаю хорошо и плохо.
 И воздуха в моих картинах нет,
 И выдоха, а значит, нет и вдоха.

Похоже получается портрет,
 Я зеркало рисую или жижу.
 Но отражается живой скелет.
 Художник я, а значит, я так вижу.

ДЖОН КОННОР

Когда Джон Коннор был здоров
 И ездил на мопеде.
 Мы с дедушкой пасли коров,
 А после на обеде
 С картошкой ели пироги.
 Затем я шёл к невесте.
 А Шварц наматывал круги
 И заряжал винчестер.
 Давно закончил институт,
 Женат, пишу поэмы.
 А Коннор жив и так же крут,
 Решает все проблемы.
 Проходит жизнь, как сериал,
 Стара, как Роберт Патрик.
 Когда Джон Коннор умирал,
 Я спал в кинотеатре.

* * *

Полярное сияние ума
И Баренцево море ожиданий.
В Териберке прекрасная зима.
Не нужно мне египтов, турций, даний.

Луна на ледовитом рубеже
Висит, как будто бронзовая буква.
В воде дыхания морских ежей.
И в каждом шаге созревает клюква.

На ледоколе «Ленин» хорошо.
Любое судно перед ним калоша.
И за рулём командует Коржов...
И охраняет Родину Алёша.

* * *

В Катаре солнце ползёт по росе.
Плачут Лукаки и Витцели.
Сборная Бельгии едет в Брюссель.
Красные дьяволы выцвели.

Штанги звенели, и чёрные львы
В шашки играли с хорватами.
Но уступили, и дамки мертвы.
Судьи опять виноватые...

Старый Ван Дамм оседлал карусель.
В городе пахнет ирисами.
Сборная Бельгии. Утро. Брюссель.
Мальчик встречается и писает.

* * *

Хорватская душа
Шальна. Стремится к маю.
Бразильцы не спешат,
Бразильцы понимают.

Газона широта.
Две стенки. Мяч в воротах.
Не ожидал вратарь
Такого поворота.

Хорват берёт разбег.
Закалка и сноровка.
И загребский хавбек
Счёт сравнивает ловко.

Пенальти от ножа.
Блестят перчатки славы.
Во власти куража
Сегодня югославы.

Хорватская душа
Шальна, стремится к маю.
Бразильцы не спешат,
Бразильцы понимают.

